

Ив Макдоннелл

ИНОЧАС

Перевод с английского
Дарьи Расковой

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT
Астана

*Бобби и Фэй
с любовью*

ПРОЛОГ

Глори, 1927 — Когда пыль осядет

— Кажется, теперь мне ясен смысл этих слов, — сказала Глори зеленой тряпичной кукле, которую сама сшила для себя когда-то. Та сидела у нее в рукаве, наружу из-под манжеты выглядывала одна головка. Балансируя на цыпочках на табурете, давным-давно расписанном ее мамой, девочка изучала верхнюю полку родительского гардероба. Из самой ее глубины она вынула коробку для памятных вещей и аккуратно поставила на деревянную ладонь, стараясь не уронить.

— Когда пыль осядет, — проговорила она таким голосом, будто была куда старше своих одиннадцати лет. — Вот что мне постоянно говорили. Когда мамы не стало, все кругом твердили одно: дела наладятся тогда, когда пыль осядет. Это значит, когда улягутся волнения.

Глори спрыгнула с табурета, и ее кожаные ботинки так грохнули об пол, что снизу, из кухни, послышался голос старшей сестры. Девочка тут же пожурила себя за поднятый шум и закатила глаза.

— Ничего страшного, Ди-Ди! Со мной все хорошо. Просто споткнулась.

Она положила коробку на кровать и изогнула руку так, чтобы лицо куклы смотрело прямо на пыльную крышку.

— Ну что же, Долли, как тебе кажется, пыль, наконец, *осела*?

Глори сделала глубокий вдох и чихнула.

— Я смогу... — сказала она, вытаскивая куклу из рукава, — смогу найти нормальную работу и тоже начну, как взрослая, откладывать по несколько пенсов на арендную плату в копилку Ди-Ди. Понимаешь, нечестно, что ей приходится полночи стоять у печи, чтобы мы продолжали жить в этом доме.

Если бы кукла могла видеть своими пуговичными глазками, она заметила бы проблеск страха во взгляде Глори: ведь остаться сиротой, потеряв от лихорадки всего за несколько недель обоих родителей, — и само по себе тяжкое испытание, а тут еще и страх оказаться на улице.

— Беда ведь не приходит одна. А значит, я просто обязана помочь сестре.

Глори с усилием сглотнула.

Она подняла крышку. Вещей в коробке было не очень много, но все до единой напоминали о маме. Глори медленно провела деревянной ладонью по содержимому и подцепила едва заметным крючком на кончике указательного пальца пару шелковых чулок.

— Сойдут на первое время, — сказала она. — В них мне можно будет дать как минимум шестнадцать, никак не меньше, чем Ди-Ди.

Конечно, и одиннадцатилетние дети находили в городе заработок, не было в этом ничего совсем уж неслыханного. Но Глори обладала достаточным умом, чтобы понимать, что достойные рабочие места доста-

вались только тем подросткам, которые уже окончили школу, и чаще всего мальчикам. Разумеется, Глори никогда не позволила бы тому факту, что она *не* мальчик, встать у себя на пути, и, воспользовавшись мамиными вещами, она готовилась составить солидную конкуренцию любому юноше. А вот об окончании школы не могло быть и речи: несмотря на то, что школьные предметы давались ей легко, строгая директриса не сомневалась, что все усилия учителей будут потрачены впустую, если речь идет о девочке без будущего, каковой ее все считали.

— Они же меня исключили. Из-за этого! — Глори подняла деревянный протез и раздраженно потрясла им в воздухе. — Дурацкая рука. Дурацкая директриса, — пробубнила она и искоса взглянула на куклу. — *Ну что?* — Она могла поклясться, что в пуговицах, заменивших кукле глаза, застыл вопрос. Глори до боли прикусила язык. Да, если бы она сделала это раньше и не высказала всего директрисе, то не исключено, что в эту минуту сидела бы на уроке алгебры. Но ведь не ее вина, что ей было так трудно держать при себе свои чувства, не говоря уже о словах. Все равно она имела право на хорошую работу, разве нет? На карьере в модной лавочке, в которой делали то, что она любила больше всего на свете, — создавали ювелирные украшения.

Глори несколько минут изучала красную помаду, выкрутив ее и любясь изгибами, в точности повторявшими форму маминых губ. Потом аккуратно убрала ее обратно в коробку и сунула под мышку рубиново-красную шляпку-клош, напоминавшую колокольчик. Она перекинула чулки через плечо, обмотала шею ниткой бус и достала из-под кровати пару серо-кремовых шнурованных ботиночек на каблук.

Через несколько минут, украсив себя деталями лучшего маминого наряда, Глори уверенным шагом подошла к зеркалу. Представляя, что перед ней дверь в ювелирную лавку, девочка постучала в стекло и слегка надула губки, как это делают француженки, которых она видела возле гостиницы «Фицрой».

Самым взрослым своим голосом она обратилась к отражению в зеркале:

— Добрый день. От вашей витрины сегодня просто глаз не отвести. Возможно, вас заинтересуют мои творения?

Что, если ей удастся проскочить? Имитация взрослого голоса давалась Глори без особого труда. Он звучал вполне естественно теперь, когда девочка целыми днями и словечком со сверстниками не перекидывалась. Она внимательно осмотрела свое блеклое синее платье и решила при случае позаимствовать одно из гардероба сестры.

— У меня все получится, — сказала она. Ей наверняка удастся найти работу, и тогда домовладелец их пальцем не тронет. Наклонившись вперед, Глори прищурилась и взглянула в собственные глаза в пыльном зеркале. — И кто знает, Глория Шпуллен, если будешь молчать в тряпочку, быть может, однажды обзаведешься собственной ювелирной лавкой. — Она лучше других знала, что из-за отсутствия руки казалась многим безнадежной, но одно было точно: ни на секунду эта девочка не прекращала мечтать.

Она скомкала шляпу и приготовилась было стереть с зеркала слой пыли, но застыла на месте.

— Пожалуй, дам ей еще немного осесть, — прошептала она, а потом подмигнула своему отражению и скрестила пальцы так, что они даже побелели, — на удачу.

СТАРЫЙ ИНТИНГТОН

2 января 1864 года

Давным-давно в городке под названием Интингтон, где улицы вымощены камнем, а небо выстлано черным дымом, стоял пятиарочный мост, мимо которого каждый день катили на гужевых повозках работяги ткацкой и пуговичной фабрик. Именно там и начинается история нашего юного героя, мальчишки из очень бедной семьи, который промышлял поиском давно потерянных и забытых вещей на илистом берегу реки Идейки. Он называл их *сокровищами*, а самого его звали Спицей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Самый длинный ноготь у Спицы был на мизинце. Искусно обкусанный до остроты, он служил отличным инструментом для добывания разных вещей. Мальчик нагнулся, поднес к береговому илу ладонь тыльной стороной и одним быстрым движением подцепил что-то, скрытое в нем.

Ш-М-ОК!

Этот звук имел определенную долготу, и, чтобы изобразить его, Спица размыкал губы после паузы на «м». Получалось что-то вроде чмокания и, по ощущениям Спицы, звучало как фиолетовый цвет. Именно так каждый раз появлялись его сокровища.

— Хорошая работа, Сорока. Свезло на колечко. — Спица плюнул на находку и аккуратно потер ее о кожаную ляжку своей заплечной сумки. — *Золотое*. Сверху, вишь, внахлест идет? — Он поднес кольцо прямо к клюву вороны, которая на цыпочках ходила вокруг него. — И глянь-ка, еще четыре лапки, раньше держали кой-то ценный камушек.

Он положил свое сокровище на раскрытую ладонь, и там, где грязный металл касался кожи, ее пронзил болью ледяной холод. Мальчик закрыл глаза в ожидании истории, которую кольцо готовилось ему рассказать. Где-то глубоко внутри, возможно, в биении

своего сердца, он уже ощущал ее шевеление. Спица выпятил грудь, вытянул вверх шею и положил вторую руку на затылок.

— Тута все просто, Сорока. Я вижу трех девчонок, они шлепают вдоль берега жарким днем и делают то, чего, ну, вроде как не надо б делать. — Он украдкой взглянул на свою единственную слушательницу, и его губы тут же растянулись в полной гордости улыбке. — Швыряют, значит, камушки в воду, хотят утопить хлеб, который кое-кто другой бросил на прокорм чайкам. И вот та, в синем платье, кидает хороший такой голыш, а вместе с ним с пальца-то улетает и колечко. А она и не замечает. Тады-то оно еще горело рубином. Чую, девчонка стянула его у своей тетки. Ну и вредная же старуха была. С рубином-то на месте я б еще что-нить рассказал. — Спица открыл глаза, подбросил кольцо в воздух и сразу же поймал. — Это было лет сорок назад, чую, никак не меньше.

В знак благодарности птице за такую находку Спица вытащил из пучка заледеневшей травы червяка, очень аккуратно, стараясь не разорвать его надвое.

— Не зря Па прозвал тебя Сорокой. Может, ты и ворона, но утрешь клюв любой настоящей сороке. Ну, они умеют находить блестящие штуки, а ты-то углядишь сокровища даже под толстенным слоем грязи. Ты — лучший кладоискалец в Интингтоне. — Мальчик внимательно посмотрел на свою ворону. Пылали ли румянцем ее щечки там, под перьями? Возможно. Вот бы и он мог как-то прятать свои, вечно его выдававшие.

Спица соскреб с кольца грязь и поднял его высоко над головой, так, чтобы солнце заиграло на золотом боку.

— Мама-то будет рада. Вставлю сюдой стеклышко, и за него, верно, выручим вот такущий котел тушеной

говядины. А раз Па нет дома, так, глядишь, и тебе, Со-рока, что-нить достанется.

Ценная находка как раз села Спице на указательный палец, а по мере того, как пробуждающиеся фабрики наполняли воздух черным гулом, на дно его мешка постепенно ложились и другие сокровища: полдюжины фарфоровых осколков, медная проволока, две изогнутые монетки, пряжка от ремня, пуговица в форме розы... У каждой мелочи было свое прошлое, отобранное речными водами.

Мальчик и его ворона повернули назад, когда по правую руку показалась старая пекарня, что выходила окнами на реку Идейку, а по левую выросли стены городской тюрьмы. Дальше в такие холодные дни они не ходили: высокие стены отбрасывали на берег тень, и доставать вмерзшие в ил сокровища было слишком трудно. По крайней мере, так мог бы ответить Спица, если бы кто-то спросил его. На самом же деле теперь, когда рядом с ним не было папы, головорезы из пекарни скорее всего забросали бы его горелыми корками хлеба, которые били так больно.

«Не давай им сдачи, вдруг ранишь единственно доброе, что в них осталось», — предупреждала Спицу мама.

«Но если ты уверен, что добра в них нет ни капли, тогда задай им как положено», — добавлял отец.

Вслух перечисляя утренние дары реки, Спица крутил на пальце золотое кольцо: один полный оборот на каждую находку. В его сумке уже собралось многое, что можно было изогнуть, обточить, подкрасить — как-то преобразить с фантазией, и тогда мама постаралась бы продать эти обновленные вещички на рынке, но мальчик по-прежнему ни на секунду не отрывал глаз от берега, высматривая под ногами новые сокровища.